

УДК 343.535.1

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.17>Н. В. Петров
А. Д. Польшина**ОБЩЕМИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О БАНКРОТСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

Актуальность исследования, сформировавшихся во всем мире тенденций совершенствования законодательства о банкротстве обусловлена созданием и совершенствованием правовых механизмов, с целью более эффективного регулирования института несостоятельности (банкротства) в будущем, в частности, в условиях сложной эпидемиологической, экономической и геополитической обстановки. Пандемия COVID-19 в корне изменила мировую экономику, спровоцировала глобальную рецессию, в связи с чем юридические лица, являясь основными субъектами экономической деятельности в последние годы несут существенные убытки, поэтому в настоящей статье исследуются меры, предпринятые различными странами в рамках института банкротства с целью стабилизации экономической ситуации. Авторы отмечают, что пандемия стала катализатором масштабных изменений законодательства о несостоятельности (банкротстве). Акцентируется внимание на причинах массового увеличения количества банкротств юридических лиц в период с 2019 по 2021 гг., произведен масштабный анализ статистических данных в данной области. В ходе научного исследования было установлено, что в большинстве стран, изменения законодательства о несостоятельности (банкротстве) идентичны, что позволило им выявить и проанализировать основные на-

правления трансформации законодательства о банкротстве в период пандемии COVID-19, а также определить научно-теоретические проблемы и пробелы в российском законодательстве, которые возможно разрешить с учетом опыта зарубежных стран. В том числе, авторами были исследованы возможности международно-правового регулирования трансграничного банкротства, а также банкротства группы компаний. Отдельное внимание уделено анализу правового регулирования процедур реструктуризации в некоторых странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей. Тенденции, сформулированные авторами, позволили им определить дальнейшие перспективы совершенствования института несостоятельности (банкротства), подчеркнуть важность применения в рамках российского права опыта зарубежных стран и международных организаций.

Ключевые слова: пандемия, несостоятельность (банкротство), реструктуризация, мораторий на банкротство, глобализация.

Для цитирования: Петров Н. В., Польшина А. Д. Общемировые тенденции совершенствования законодательства о банкротстве в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 296–301. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.17

Nikolay V. Petrov
Alexandra D. Polshina**GLOBAL TRENDS IN IMPROVING BANKRUPTCY LEGISLATION DURING
THE COVID-19 PANDEMIC**

The relevance of the study of trends in improving bankruptcy legislation that have formed around the world is due to the creation and improvement of legal mechanisms in order to more effectively regulate the institution of insolvency (bankruptcy) in the future, in particular, in a complex epidemiological, economic and geopolitical situation. The COVID-19 pandemic radically changed the world economy, provoked a global recession, and therefore legal entities, being the main subjects of economic activity, have suffered significant losses in recent years, therefore, this article examines the measures taken by various countries within the framework of the institute of bankruptcy in order to stabilize the economic situation. The authors note that the pandemic has become a catalyst for large-scale changes in the legislation on insolvency (bankruptcy). Attention is focused on the reasons for the massive increase in the number of bankruptcies of legal entities in the period from 2019 to 2021, a large-scale analysis of statistical data in this area is carried out. In the course of scientific research, it was found that in most countries, changes in the legislation on insolvency (bankruptcy) are identical, which allowed them to identify and analyze

the main directions of the transformation of bankruptcy legislation during the COVID-19 pandemic, as well as to identify scientific and theoretical problems and gaps in Russian legislation that can be resolved taking into account the experience of foreign countries. In particular, the authors investigated the possibilities of international legal regulation of cross-border bankruptcy, as well as the bankruptcy of a group of companies. Special attention is paid to the analysis of the legal regulation of restructuring procedures in some countries of the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families. The trends formulated by the authors allowed them to identify further prospects for improving the institution of insolvency (bankruptcy), to emphasize the importance of applying the experience of foreign countries and international organizations within the framework of Russian law.

Key words: pandemic, insolvency (bankruptcy), restructuring, bankruptcy moratorium, globalization.

For citation: Petrov N. V., Polshina A. D. Global trends in improving bankruptcy legislation during the COVID-19 pandemic // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 296–301. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.17

Во всех развитых странах законодательство о несостоятельности (банкротстве) является главным регулятором, посредством которого государство решает, стоящие перед ним социально-экономические задачи. По этой причине правовые нормы, регламентирующие данную процедуру в наибольшей степени, подвергается изменениям в силу различных внутренних (управление, планирование и контроль) и внешних (демографических, политических, природных и экономических) факторов. Главными причинами банкротства, характерными для всех стран мира в период пандемии коронавируса, стало масштабное снижение прибыли большинства компаний вследствие чего они оказались не в состоянии оплачивать свои долговые обязательства по кредитам, выполнять обязательства по уплате аренды складских, торговых и офисных помещений, коммунальных услуг. Думается, что пандемию можно рассматривать как возможность реформирования законодательства о банкротстве.

Пандемия COVID-19 в корне изменила мировую экономику, спровоцировала глобальную рецессию, поскольку огромное количество физических и юридических лиц оказались не способны отвечать по своим обязательствам перед кредиторами, в связи с чем парламентами разных стран был принят ряд изменений в законы о банкротстве, направленные на стабилизацию возникшего кризиса. Юридические лица, являясь основными субъектами экономической деятельности в последние годы несут существенные убытки, которые связаны с эпидемиологической ситуацией.

Согласно данным Международного валютного фонда макроэкономика вступила в 2022 г. с более низких позиций, чем ожидалось, поэтому прогноз роста мировой экономики на текущий год был снижен с 4,9% до 4,4%. Вместе с тем, ежегодно увеличивается число банкротств: если 2021 г. рост несостоятельных граждан составил 52 %, то на 2022 г. такой рост по прогнозам Федресурса, должен составить не менее 62%. [3] При этом, общемировое количество банкротств среди субъектов малого и среднего бизнеса ежегодно сокращается, что свидетельствует о своевременности и правильности предпринятых государствами мер поддержки компаниям. Однако, уже в этом году ситуация может в корне измениться. Этому, на наш взгляд будут способствовать два основных фактора:

Во-первых, большинство государств существенно сократят темпы поддержки. Аналитики сектора исследований банкротства Euler Hermes неоднократно заявляли, что государственная поддержка не сможет постоянно сдерживать банкротство на низком уровне, поэтому к концу 2021 г. в странах Западной Европы встал вопрос о снижении уровня государственного вмешательства в бизнес. [11]

Во-вторых, на фоне первого фактора, влияющего на уровень банкротств, все еще сохраняется целый ряд ковид-ограничений, к которым чувствительна значительная часть отраслей экономики.

Оба фактора в совокупности создают реальную перспективу увеличения количества неплатежеспособных юридических и физических лиц.

Неплатежеспособность является основным признаком несостоятельности – отсутствия возможности у должника в полной мере исполнить свои обязанности перед кредитором ввиду недостаточности имущества. Вместе с тем, известный российский цивилист Г.Ф. Шершеневич в своих исследованиях писал, что банкротство всегда предполагает несостоятельность. [8] Данная причинно-следственная связь позволяет нам аргументировать актуальность исследования тенденций совершенствования законодательства о банкротстве с целью более эффективного регулирования данного института в будущем.

От сложившейся в мире негативной экономической ситуации оказались не застрахованы даже крупные фирмы, в том числе компании и группы компаний, занятые в нефтегазовой отрасли, в области розничной торговли, кинопроката и организации развлекательных мероприятий. За декабрь 2021 г. число зарегистрированных банкротств в названных сферах увеличилось на 20 %, что позволяет нам сделать весьма неутешительный прогноз на 2022 г. в связи с чем отдельного внимания заслуживает рассмотрение тенденции правового регулирования банкротства групп компаний.

В данной области опыт иностранных государств является весьма прогрессивным: подобные нормы уже достаточно давно применяются в Соединенных Штатах Америки, тогда как для Европейского союза банкротство групп компаний является достаточно новой процедурой. Для России, как представителя романо-германской правовой семьи, актуальным будет опыт стран Европейского союза. Суть банкротства группы компаний по законодательству Европейского союза можно назвать одним словом – координация. С. А. Карелина, И.В. Фролов отмечают следующее: «Опыт Европейского Союза есть координация нескольких производств и назначение единого координатора». [1, с. 16] При этом, координатор назначается судом после подачи соответствующего ходатайства. Очевидно, основная цель координатора состоит в реабилитации экономической деятельности предпринимательской группы. В отличие от Европейского союза в Соединенных Штатах Америки применяется, так называемый, метод материальной консолидации, предполагающий агрегирование имущества и долгов всей группы компаний в единую конкурсную массу.

С 2019 г. Организацией Объединенных Наций также предпринимаются попытки наднационального урегулирования процедуры банкротства

групп компаний, однако данная процедура, по нашему мнению, заслуживает более детального урегулирования в рамках правовых систем государств. В настоящее время в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) Российской Федерации не представлено норм, регламентирующих банкротство группы компаний, поскольку законодатель придерживается презумпции единства должника и процедуры. Однако с учетом тех условий, которые диктует глобализация на фоне все еще не сбавляющей темпы пандемии COVID-19, необходимость закрепления этой процедуры остается лишь вопросом времени для нашей страны, где группы компаний составляют около четверти в крупнейших отраслях экономики.

Считаем важным также определить в российском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) следующие признаки группы компаний: созависимость участников группы компаний, единство в ее рамках управленческого процесса, а также осуществление производства, транспортировки и реализации ею одного вида продукции. Другие зарубежные страны, в отличие от России, в период масштабного распространения пандемии приняли поправки в свое законодательство о несостоятельности нормы, закрепляющие понятие группы компаний и особенности ее банкротства.

Из обозначенной тенденции, на наш взгляд, вытекает еще несколько проблемных аспектов. В первую очередь, речь идет о компаниях, которые имеют на территории других государств какие-либо активы и филиалы. В таком случае возникает вопрос о том, действовали ли на такую компанию меры государства, в котором эти филиалы находятся, так как эпидемиологический кризис во всем мире спровоцировал рост трансграничных банкротств.

В Российской Федерации имеются правовые нормы, регулирующие процесс банкротства, осложненного иностранным элементом, однако государством не предпринимались меры по их совершенствованию с момента принятия в 2002 г. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поэтому суды в спорах, осложненных иностранным элементом, зачастую руководствуются положениями, согласно которым кредиторы обладают тем же правовым статусом, что и отечественные кредиторы. Намного сложнее процесс урегулирования спора в том случае, если в деле присутствует иностранный должник. Под трансграничной несостоятельностью юридического лица стоит понимать определенную совокупность отношений, сложившихся в связи с неплатежеспособностью компании, осуществляющей деятельность за пределами одного государства.

В качестве примера рассмотрим Определение Верховного Суда Российской Федерации, которое, по нашему мнению, содержит ключе-

вые комментарии относительно трансграничного банкротства: коллегия судей Верховного Суда определила, что в случае подачи иска о несостоятельности (банкротстве) российским кредитором в отношении иностранного должника, который выступает субъектом банкротства в ином государстве, то дело будет относиться к компетенции суда Российской Федерации [2]. Причиной такому выводу следует считать признак постоянства осуществления экономической деятельности на территории России.

Говоря о критерии постоянства экономической деятельности, отметим, что судом не было дано определения данному термину. Полагаем, что под постоянством следует понимать систематичность и стабильность осуществления экономической деятельности, направленной на извлечение прибыли на территории Российской Федерации. Вместе с тем, пробелом в законодательстве остается вопрос относительно определения признаков, указывающих на постоянный характер деятельности иностранного юридического лица, в отношении которого возбуждено дело о признании его в качестве банкрота.

Таким образом, в отечественном законодательстве присутствуют серьезные проблемы регулирования процедуры банкротства, осложненной иностранным элементом. Подобная ситуация просматривается и в зарубежных странах, что наглядно было продемонстрировано в период пандемии. Многие государства предпринимали попытки разрешения проблемы предотвращения потенциального трансграничного банкротства:

1. Германия, Чехия и Испания предприняли попытку отсрочить банкротства путем запрета подачи должником заявления о признании себя банкротом;
2. Англия, Австралия и Сингапур снизили показатели предбанкротного состояния бизнеса, смягчили или даже исключили ответственность директоров компаний за несвоевременную подачу заявлений о несостоятельности;
3. Россия и многие другие государства отсрочили процедуру банкротства путем запрета подачи заявления о признании юридического лица банкротом со стороны его кредитора.

Отвечая на вопрос дальнейшего правового урегулирования трансграничного банкротства, считаем важным отметить, что более эффективным методом ответа вызовам пандемии будет процесс апробации странами различных методов и подходов к разрешению возникших проблем.

Поистине, общемировой тенденцией можно считать введение мораториев на банкротство. Это подтверждает тот факт, что в период пандемии большинством стран-участников Организации экономического сотрудничества и развития были введены временные моратории на подачу заявлений о банкротстве.

Правовая природа моратория на банкротство российскими и зарубежными учеными определяется весьма неоднозначно. Одни рассматривают мораторий исключительно в качестве реабилитационной процедуры, что противоречит научно-теоретическим основам банкротства, поскольку мораторий, по сути своей не является процедурой, он не допускает возбуждения дела о банкротстве, в то время как процедура предполагает применение конкретных мер в отношении должника. Более обоснованным, по нашему мнению, является подход, определяющий мораторий в качестве превентивной меры, применяемой в исключительном случае с целью соблюдения баланса интересов между кредитором и должником в период экономического кризиса.

Норма, закрепляющая мораторий на возбуждение дел о банкротстве, появилась и в российском законе «О несостоятельности (банкротстве)». В России он распространялся на индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществлявших свою деятельность в тех сферах, которые в наибольшей степени пострадали в период пандемии. То есть в период массового распространения в Российской Федерации вируса COVID-19 под действие данной нормы попали не все группы юридических лиц, а лишь те, которые являются системообразующими, стратегическими компаниям, и те, кто в наибольшей степени понес убытки из-за пандемии [7].

Самый радикальный вариант моратория продемонстрировала Индия, где был введен тотальный запрет на подачу исков о признании банкротом, большинство же стран ограничились закреплением минимальных сумм дефолта, при достижении компаний которых кредиторы имели право обратиться в суд (Сингапур, Австралия). В Испании после окончания моратория заявление о банкротстве должника (в случае если было подано заявление кредитора) имеет приоритет в рассмотрении, вне зависимости от даты его подачи.

В целом, уже сегодня мы можем сказать, что мораторий как средство сохранения реально «работающего» бизнеса в полной мере оправдал и зарекомендовал себя в качестве одного из действенных способов поддержки бизнеса в период экономического кризиса.

В условиях сохранения нестабильной эпидемиологической и геополитической, и как следствие, экономической ситуации в России и всем мире, в нашей стране мораторий на банкротство был введен повторно, в связи с чем мы считаем важным согласиться с мнением Файзрахмановой Л. М., Бухмина С. В.: «Более предпочтительным выглядит прагматичный и рационально сбалансированный подход, закрепленный в немецком законе: мораторий на банкротство для тех субъектов, которые способны преодолеть кризис; наличие инструментов, способствующих выходу

из кризиса (например, льготное кредитование в период моратория); отсутствие привилегированных и непривилегированных субъектов, а также жесткого запрета кредиторам банкротить должника [6]. По этому пути пошел и российский законодатель, закрепивший, что мораторий вводится с определенной целью – стабилизировать экономику государства в исключительных случаях, при этом оставив перечень таких ситуаций открытым.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в Великобритании, в течение 2020–2021 г. устанавливался запрет для подрядчиков на прекращение поставок, если у заказчика-должника возникли проблемы с выплатой кредита и в отношении него возбуждено дело о банкротстве. Обычно странах англо-саксонской правовой семьи действовал обратный режим, называемый «*ipso facto*», суть которого заключается в праве расторжения договора поставщиком в силу возникновения со стороны заказчика события, связанного с несостоятельностью. То есть любое требование кредитора в период отмены режима «*ipso facto*» автоматически признавалось недействительным. Необходимо отметить, что такая мера защиты должника отличается от той, которую обеспечивал мораторий, поскольку он применялся к более широкому кругу действий кредитора и был доступен для компаний независимо от того, связана ли их неспособность выплатить долги с ограничениями, введенными в период пандемии.

Еще одна глобальная тенденция состоит в принятии некоторыми государствами норм, направленных на облегчение процесса реструктуризации долгов. Основная цель такой процедуры состоит в восстановлении платежеспособности должника перед кредитором путем реализации имущества должника. Этому мнению придерживается и польский законодатель, который ввел пятый тип реструктуризации – упрощенный.

По мнению С. Дянкава введение данной процедуры было непродуманным решением, поскольку ее целесообразность вызвала резонанс мнений среди ведущих юристов и политиков Польши [10]. Примечателен и тот факт, что в государстве не было принято какого-либо закона, изменяющего или дополняющего ранее действующий Закон о реструктуризации, напротив, в массиве норм, направленных на стабилизацию экономики в период пандемии, была сделана лишь отсылка на то, что новая упрощенная процедура реструктуризации будет основываться на общих принципах реструктуризации, указывая лишь на некоторые ее отличия от уже существующей [9].

В Соединенных Штатах Америки вопрос реструктуризации долга юридическими лицами в период пандемии коронавирусной инфекции решался должниками самостоятельно, что позволило государству, учитывая их мнение, установить

перечень штатов, в которых бизнес в большей степени нуждался в реструктуризации долгов. Законодатель предписал судьям в таких штатах предоставлять наиболее выгодные для должника условия реструктуризации, что вызвало критику в научных трудах многих американских ученых.

В рамках Европейского союза в период пандемии COVID-19 обозначилась тенденция становления режима превентивных реструктуризаций. Превентивная реструктуризация обусловлена столько не наличием признаков банкротства, сколько наличием перспектив его предупреждения. Основным и принципиальным отличием превентивной реструктуризации от иных судебных реабилитационных процедур является то, что первая предполагает реструктуризацию самого должника, тогда как вторые являются реструктуризацией долга.

В качестве юридически значимых можно выделить следующие условия, при наличии которых может быть инициирована процедура превентивной реструктуризации:

Во-первых, это наличие согласия кредитора или большинства из них;

Во-вторых, добросовестность должника;

В-третьих, кредиторам должен быть гарантирован минимальный размер суммы, предполагаемую для получения в случае судебной процедуры банкротства.

Следовательно, законодатель определил, что превентивная реструктуризация предполагает отсутствие внешних признаков несостоятельности (банкротства). Наиболее проблематично в европейском праве определить добросовестность должника. В частности, при принятии правовых норм превентивной реструктуризации европейский законодатель не обозначил уровень определения «добросовестности» должника, на основании которого он инициирует данную процедуру. При этом, определить уровень добросовестности достаточно сложно на поздних стадиях неплатежеспособности должника.

Негативной тенденцией в период пандемии коронавирусной инфекции стало увеличение количества фиктивных задолженностей и фиктивных банкротств. На наш взгляд, разграничение данных понятий имеет принципиальное научно-теоретическое значение. Полагаем, что фиктивная задолженность представляет собой такую ситуацию, когда намеренно искажаются данные о действительном финансовом и имущественном состоянии компании, а также специально созданные долги с целью получения материальной выгоды. Фиктивное или преднамеренное банкротство есть заведомо ложное объявление юридическим лицом себя в качестве банкрота.

В Российской Федерации подобные вопросы в основном разрешаются в рамках отраслей уголовного и административного права, поскольку

отечественное законодательство о несостоятельности (банкротстве) направлено не на наказание правонарушителя, а на обеспечение равенства в правах кредитора и должника. Отмеченный в пандемию рост количества фиктивных задолженностей и преднамеренных, фиктивных банкротств демонстрирует необходимость в законодательном разграничении данных понятий с целью более эффективного применения законодательства о несостоятельности (банкротстве). Обращаясь к опыту зарубежных стран относительно обозначенной тенденции, отметим, что суть фиктивного банкротства во всех государствах понимается одинаково. Как и в России, во Франции, Соединенных Штатах Америки, Германии и других странах данные категории регулируются не только в рамках банкротного законодательства, но и посредством уголовного права.

В 2022 г. многие государства, в частности Великобритания, Франция и Россия планируют провести масштабную модернизацию регулирования института несостоятельности (банкротства). В Германии реформирование банкротного законодательства началось уже в конце 2021 г., однако большая часть положений обновленного законодательства о банкротстве вступит в силу только летом текущего года [5]. Изучив положения нового рамочного закона Германии, можно сделать вывод, что он направлен на обеспечение поддержки компаний, которые пострадали от пандемии COVID-19 и имеют задолженность перед кредитором, но технически не являются неплатежеспособными.

Подводя итоги, отметим, что пандемия COVID-19 стала катализатором масштабной трансформации законодательства о несостоятельности (банкротстве) в большинстве стран мира. На основании проведенного анализа статистических данных и норм российского и зарубежного законодательства, отметим, что правительства многих государств принимали идентичные меры, направленные на защиту бизнеса от банкротства. Многим государствам удалось достичь положительного эффекта благодаря комплексности и сбалансированности решений, способствующих выходу из экономического кризиса, тем не менее правовая регламентация института банкротства все еще требует от законодателя более совершенных механизмов регулирования, учитывая особенности «пандемической» реальности. Несмотря на то, что большинство общемировых тенденций носили положительный характер и были направлены на оперативное решение стоящих перед ними задач, в правовом регулировании несостоятельности (банкротства) все еще остаются спорные вопросы, требующие дальнейшего совершенствования норм банкротного законодательства для обеспечения эффективного функционирования данного института в условиях экономического кризиса.

Список литературы

1. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2020 по делу N 310-ЭС20-3002, А83-6324/2018 // СПС КонсультантПлюс.
3. Официальный сайт Международного валютного фонда URL: <https://www.imf.org/ru> (дата обращения: 07.02.2022).
4. Синькина О. Н. Позиционирование концепции реструктуризации компаний в странах ЕС и подтверждение ее аудитором // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. №1. С.131 – 151. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.1.31708
5. Сушкова О. В. Реорганизация юридического лица как механизм защиты или «формальная процедура банкротства» в России и в зарубежных странах // Право и бизнес. 2021. №2. С. 14 – 19.
6. Файзрахманова Л.М., Бухмин С.В. Трансформации института несостоятельности в условиях пандемии COVID-19 в России и некоторых странах Европы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т.16. №9. С.91 – 98.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 01.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002. №43. Ст. 4190.
8. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. М.: Книга по Требованию, 2013. 459 с.
9. Adamus R. Simplified restructuring procedures in Poland as an example of crisis management in connection with the COVID-19 pandemic. International Cooperation and Comparative Law Review. 2020. Volume 20. No. 1. P. 293 – 303.
10. Balloch Cynthia, Simeon Djankov, Juanita Gonzalez-Urbe, and Dimitri Vayanos. A restart procedure to deal with COVID-19 // London School of Economics, Working Paper series. 2020. May. P. 1–9.
11. Euler Hermes Global trade credit insurance leader URL: https://www.eulerhermes.com/en_global.html (дата обращения: 08.02.2022).

References

1. Institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v pravovoi sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriya i praktika pravoprimeneniya: monografiya (Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph) / A.B. Baranova, A.Z. Bobyleva, V.A. Vaipan.; ed. S.A. Karelina, I.V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2020. 360 p. (In Russian).
2. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 08.10.2020 po delu N 310-ES20-3002, A83-6324/2018 (The ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.10.2020 in the case N 310-ES20-3002, A83-6324/2018) // SPS KonsultantPlyus. (In Russian).
3. Ofitsial'nyi sait Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda (Official website of the International Monetary Fund) URL: <https://shchshchshch.imf.org/ru> (Accessed: 07.02.2022). (In Russian).
4. Sin'kina O.N. Pozitsionirovanie kontseptsii restrukturalizatsii kompanii v stranakh ES i podtverzhenie ee auditorom (Positioning of the concept of restructuring companies in the EU countries and its confirmation by the auditor) // Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika. 2021. No. 1. P.131 – 151. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.1.31708 (In Russian).
5. Sushkova O.V. Reorganizatsiya yuridicheskogo litsa kak mekhanizm zashchity ili «formal'naya protsedura bankrotstva» v Rossii i v zarubezhnykh stranakh (Reorganization of a legal entity as a protection mechanism or «formal bankruptcy procedure» in Russia and in foreign countries) // Pravo i biznes. 2021. No. 2. P. 14 – 19. (In Russian).
6. Faizrahmanova L. M., Bukhmin S. V. Transformatsii instituta nesostoyatel'nosti v usloviyakh pandemii TsOVID-19 v Rossii i nekotorykh stranakh Evropy (Transformations of the institute of insolvency in the conditions of the COVID-19 pandemic in Russia and some European countries) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2021. Vol. 16. No. 9. P.91 – 98. (In Russian).
7. Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 N 127-FZ (red. ot 30.12.2021, s izm. ot 01.02.2022) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2022) (Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 30.12.2021, with amendments. dated 01.02.2022) «On insolvency (bankruptcy)» (with amendments and additions, intro. effective from 10.01.2022) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 28.10.2002. No. 43. Art. 4190. (In Russian).
8. Shershenevich G.F. Uchenie o nesostoyatel'nosti (The doctrine of insolvency). Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2013. 459 p. (In Russian).
9. Adamus R. Simplified restructuring procedures in Poland as an example of crisis management in connection with the COVID-19 pandemic. International Cooperation and Comparative Law Review. 2020. Volume 20. No. 1. P. 293–303.
10. Balloch, Cynthia, Simeon Djankov, Juanita Gonzalez-Urbe, and Dimitri Vayanos (2020), A restart procedure to deal with COVID-19, London School of Economics, Working Paper series, May.
11. Euler Hermes Global trade credit insurance leader [Электронный ресурс] URL: https://www.eulerhermes.com/en_global.html (Accessed: 08.02.2022).

Сведения об авторах

Петров Николай Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета / petrov_sksi@mail.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Польшина Александра Дмитриевна – лаборант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / polshina-a@bk.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Petrov Nikolay V. – Candidate of Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Procedure, Law Institute, North-Caucasus Federal University / petrov_sksi@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Polshina Alexandra D. – secretary, Chair of Administrative and Financial Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University / polshina-a@bk.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.